

*Юрий Тиренко
Евгений Бороховский*

*Конец
сказки*

Юрий Гиренко
Евгений Бороховский
Конец сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19394321

ISBN 9785447496494

Аннотация

Первая пьеса из цикла «Сказки кончились». А если сказку мы переиграем? Смешаем с жизнью через «никогда»?.. Послушайте: ведь мы не выбираем историю, она нас захватила, она ведет... Так как все это было?

Содержание

Действующие лица	5
Пролог	6
Сцена 1	7
Доктор Каспар	14
Сцена 2	16
Три Толстяка	25
Сцена 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Конец сказки
Юрий Гиренко
Евгений Бороховский

Памяти Юрия Карловича Олеси

© Юрий Гиренко, 2016

© Евгений Бороховский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Комитет национального спасения, он же – Чрезвычайный Триумvirат (народное прозвище «Три Толстяка»):

Босс, председатель комитета

Шеф, руководитель службы информации

Генерал, главнокомандующий гвардии

Предводители восстания против «Трех Толстяков»:

Армандо, «оружейник», президент корпорации «Армада-пром»

Катулл, «гимнаст», руководитель Национального театра

Теобальд (по прозвищу Тутти), внук короля, наследник

Суи, актриса, подруга наследника

Доктор **Каспар Гварнери**, выдающийся ученый-энциклопедист

Капитан **Рейнхард**, гвардейский офицер для особых поручений

Тетушка **Диомед**, экономка доктора Каспара

Пролог

Мы точно знаем, как все это было —
Нам рассказали те, кто правду знает.
Вывозит прямо к правде нас кривая!
И не оспоришь. Знание – это сила.
Не надо сомневаться: нет и да,
А прочее – фигня и лабуда.

Вот сказка, что прошла через года.
В ней все красиво, правильно и мило.
Добро, со злом сразившись, победило
Уверенно, вполне и навсегда.
И мы, как будто на пороге рая
Стоим, душой и телом замирая...

А если сказку мы переиграем?
Смешаем с жизнью «через никогда»?
Не говорите «право, ерунда» —
Послушайте. Ведь мы не выбираем
Историю. Она нас захватила.
Она ведет. Так как все это было?..

Сцена 1

Сцена почти целиком погружена в темноту. В луче неяркого прожектора из глубины на авансцену медленно идет стройная изящная девушка в красивом нарядном платье. Она танцующим шагом движется по прямой линии, ступая осторожно, как будто балансирует на канате. У нее в руках маленькая свирель, на которой она насвистывает негромкую, смутно узнаваемую мелодию. Её игра не безупречна, скорее она практикуется, репетирует, повторяя какие-то фрагменты, и в какой-то момент, явно не удовлетворенная результатом, обрывает мелодию. Из тени появляется Теобальд. В руках у него книга, а на плече маленький рюкзак, к которому прикреплен плюшевый медвежонок.

Теобальд: Пожалуйста, прошу тебя, не останавливайся. Мне нравится эта мелодия. Мне нравится как ты играешь... И мне безумно нравишься ты!

Суи: Глупости. Это место мне почему-то никак не дается, сколько не репетирую... Впрочем, спасибо за комплимент. Хотя ты явно льстишь – здесь слишком темно, чтобы ты мог меня как следует разглядеть. Это что, такой способ знакомиться с девушками?

Теобальд: Нет... нет у меня никаких способов... Просто... Понимаешь, я видел тебя на сцене сегодня вечером.

И это было... это было...

Суи: А-а-а, поклонник... Это уже интереснее. Я не то чтобы опасаюсь, но недолюбливаю случайных приставал. Тебе понравился наш спектакль?

Теобальд: Да. То есть, нет. В смысле – не знаю. Мне было сложно сосредоточиться на сюжете и игре, я просто любовался тобой.

Суи: Не самый приятный отзыв для актрисы, но как женщина, я, наверное, должна быть польщена?

Теобальд: Не знаю, мне... я... *(потерянно молчит)*.

Суи *(улыбаясь)*: Теперь моя очередь сказать – не останавливайся. Я... Мне... *(почти неуловимо передразнивает его, но завершает вполне серьезно, хоть и кокетливо)* Мне нравится тебя слушать.

Теобальд: Прости, пожалуйста. Я просто пытаюсь объяснить, что чувствовал, глядя на сцену... Когда я тебя увидел, я замер. Ты заговорила – я умер. Ты запела – я воскрес...

Суи: А сейчас? *(берет его за руку)* Что ты чувствуешь сейчас? *(другой рукой осторожно проводит по его лицу)* Ты «замер», «умер» или «воскрес»?

Теобальд: По крайней мере, во мне все замерло, и я не могу понять, чувствую ли я что-нибудь. То ли я боюсь по неосторожности все испортить, то ли это – мое железное сердце.

Суи: *(резко отдергивая руку)* Что за дурацкая шутка! Умер-шмумер... Только я подумала, что в тебе что-то есть,

как на тебе – началось...

Теобальд: Нет, погоди! У меня действительно железное сердце – это официальный вердикт...

Суи: Не ври! Человек с железным сердцем не может чувствовать то, о чем ты только что говорил. И вообще, не бывает людей с железным сердцем.

Теобальд: Как бы я хотел, чтобы это было правдой... На самом деле, это мое детское прозвище...

Суи: Еще лучше! Мог бы придумать что-нибудь повеселее.

Теобальд: Да нет, правда! Знаешь, почему меня так прозвали? Я был жутко стеснительный и страшно самолюбивый. А мои приятели обожали жестокие шутки – вроде как поджечь шерсть у собаки или бросить в воду кошку... Мне было страшно, но еще страшнее было это показать, а потому я делал каменное лицо. И на вопросы и подначки отвечал: «Это скучно. Какое мне дело до этих тварей?»... Дурак был. Мне даже нравилась эта кличка – «Тутти Железное сердце». Теперь и хотел бы забыть – а не дают. Задokumentировано, да... Даже люди, которые меня никогда не видели и ничего обо мне не знают, охотно повторяют «у него железное сердце». И временами я начинаю бояться, что они могут быть правы...

Суи: *(отступая от него на шаг):* Постой, погоди, я, кажется, знаю кто ты... *(Все остальное она говорит, обращаясь не к нему, а как бы складывая в уме целостную картину)*

Ну, конечно же, это все объясняет – и полный аншлаги в партере и ложах – туда же билеты стоят, как таунхаусы! – и дополнительные патрули гвардейцев на входе... Мы все перед началом спектакля еще гадали, что за шишка почтила нас вниманием, а маэстро был такой таинственный и все время рычал на директора Бризака... И даже то, как они начинали аплодировать – не сразу, а после небольшой паузы, и глядя не на сцену, а куда-то в глубину зала... Да, в глубину, туда, где королевская ложа! И вчерашние газетные заголовки: «Наследник престола возвращается, завершив свое образование за рубежом»... И теперь еще это прозвище, «железное сердце»...

Теобальд: Ну вот, теперь и ты это повторила...

Суи: Прости, я не хотела, я вовсе так не думаю... (*спохватившись, приседает в глубоком реверансе*) Простите, ваше высочество...

Теобальд (*морищится как от боли, почти умоляюще качает головой*): Прошу тебя не надо... так...

Суи (*она хорошая актриса, все понимает правильно и снова переходит на «ты»*): Прости, я действительно не верю этому глупому прозвищу. Я знаю... Ну, то есть, я чувствую! Ты не такой...

Теобальд (*теперь он берет ее за руку*): Пожалуйста, обещай, что ты никогда не позволишь мне поверить, что у меня может быть железное сердце... Пожалуйста, обещай мне...

Суи: Я обещаю...

Теобальд: Ты знаешь, кто я, а я не знаю даже, как тебя зовут...

Суи: Ты не читаешь программку? Меня зовут Суи.

Тутти: Какое нежное имя... Суи!..

Кажется, сцена идет к своему логическому завершению – долгому поцелую, но в этот момент загорается яркий свет – освещена вся сцена. Это одна из комнат дворца Трех Толстяков...

Суи (выходя из образа, смеется): И надо же, как раз в этот момент тебя позвал старший дядюшка.

Теобальд: Да, его появление было совсем некстати... но я все равно благодарен ему за тот вечер... Когда мы собирались в театр, он предупредил, что времени в обрез, сразу после спектакля придется поторопиться, он должен успеть на какую-то важную встречу... А потом в его планах что-то поменялось. Он сказал, что встреча состоится прямо в театре и отправил меня во внутренний двор.

Босс: Там вполне безопасно. Весьма милый садик, и ты сможешь помечтать там, никем не потревоженный. Считай это последней поблажкой, завтра начнется твое обучение тому, что не преподают в «лучших зарубежных университетах», где тебе так нравилось отсиживаться от ответственности.

Теобальд: И он ушел, а я остался и встретил тебя... Обе-

щанная поблажка обернулась самым прекрасным подарком, который я когда-либо получал...

Суи: Тутти, прошел уже почти год с того вечера. У нас было много вечеров... и ночей тоже. Почему ты так настойчиво возвращаешься к той первой встрече и просишь меня проиграть все заново? Я не против ролевых игр, ты ведь знаешь, но все же...

Теобальд: Наверное, я просто не могу до конца поверить, что ты все еще со мной.

Суи: Конечно, я с тобой. Я ведь пообещала постоянно напоминать тебе, какое у тебя настоящее любящее сердце...

Теобальд: Только ты и напоминаешь. Прочие по-прежнему говорят «Принц Железное Сердце».

Суи: Ну и что? А меня дворцовые лизоблюды называют «кукла наследника Тутти». Придворные клуши так и шипят «кукла, сучка фарфоровая»...

Теобальд: Что???

Суи (насмешливо): Малыш, если бы ты отвлекался от своих книжек не только по ночам, то узнал бы много интересного и заслуживающего куда больше внимания, чем эта болтовня. А это – фи, меня их злоба скорее забавляет. Перестань. Я же с тобой? Я ведь выполнила свое обещание?

Теобальд: Да, ты выполнила свое обещание...

На этот раз, каким бы ни виделось развитие сцены, все прерывают звуки беспорядочной стрельбы. В стрелчатых

окнах – вспышки и отблески пожара. Звучит бравурная музыка, что-то вроде *Ca ira*, слышен голос Катулла: «Сограждане! Отчизна поднялась, чтобы сбросить ненавистное иго! Там, спрятавшись за высокой оградой, засели тираны – проклятые Три Толстяка! Так пусть же они узнают, что такое народный гнев!.. Заря свободы восходит над нами!» Голос перекрывают крики: «Долой трех толстяков! Да здравствует маэстро Катулл! Да здравствует оружейник Армандо! Да здравствует народ!..» Их заглушает грохот выстрелов.

Суи: (испуганно прижавшись к Тутти) Что это, Тутти?

Теобальд: Похоже, это та самая революция, (чуть заметно усмехнувшись) о возможности которой столько говорили наши толстяки...

Суи: И что будет? Тутти, мне всегда казалось, что я довольно смелая, но сейчас, кажется, мне страшно...

Теобальд: Мне тоже страшно. Но, возможно, это означает простое решение всех наших проблем и конец всех прочих страхов. Возможно. Хотя, как оно на самом деле, не скажет ни один мудрец – ни Сократ, ни Вольтер, ни наш легендарный доктор Каспар.

Свет гаснет, подчеркивая хаотичный свет – вспышки выстрелов и пожары за стрельчатými окнами дворца.

Доктор Каспар

*Как лететь до самых звезд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар,
Знает доктор наш Каспар.*

Доктор Гварнери – могуч и велик!
Знает любой иностранный язык!
Он математик, и физик, и врач!
Добрый и умный, совсем не трепач!

*Как познать палеолит,
Как лечить энцефалит,
Как учить детей уму —
Доктор мастер по всему!*

Доктор Гварнери не только умен —
Честный, отважный и искренний он!
В городе драка, стрельба, баррикады —
Доктору видеть и слышать всё надо.

*Должен сам он все узнать,
Аккуратно записать:
Кто, куда, зачем и как.
Это вовсе не пустяк!*

Доктор Каспар, вы б себя не губили!
Дома оставшись, чайку бы попили.
Лучше соврите – а мы вам поверим!
Нет, не послушает доктор Гварнери...

Сцена 2

Кабинет доктора Каспара. Раннее утро. Входит доктор Каспар, весь в растрепанных чувствах. Он выглядит довольно нелепо – в длинном плаще с чужого плеча, замотан толстым шарфом, на шее болтаются бинокль и очки-«консервы» на шнурке, в руках трость, которая ему явно мешает. За ним семенит экономка – тетушка Диомед. Она фраппирована странным поведением доктора, ежесекундно всплескивает руками, охает и качает головой:

Тетушка: Доктор, где же вы пропадали? Что с вами?

Доктор: Вы разве не знаете? Восстание! Пожар! Город горит... Господин Армандо и маэстро Катулл повели народ, чтобы взять штурмом Дворец Трех Толстяков.

Тетушка: А где ваши очки? Они разбились?

Доктор: Очки? Конечно, разбились. Какая досада! Когда я смотрю без очков, я, вероятно, вижу так, как видит не близорукий человек, если надевает очки.

Тетушка: Ах, доктор, доктор! Где же ВАШ плащ? Вы его потеряли? Ах, ах!..

Доктор поднимает руку, чтобы снять шляпу — а шляпы нет.

Доктор: Шляпу я тоже потерял. Тетушка Диомед, я, кроме того, обломал оба каблука. Я и так невелик ростом, а теперь стану на вершок ниже. *(несколько нервно, но искренне смеется)* Или, может быть, на два вершка? У меня же отломились два каблука!..

Тетушка: Ах, какое несчастье!

Доктор: Ох, у меня лопается сердце!.. Я весь день и всю ночь был на улицах. Я видел восстание! Все куда-то бежали, откуда-то стреляли... Это было так захватывающе! И так непонятно. Странная вещь: когда оказываешься в гуще событий, совершенно не понимаешь, что происходит...

Тетушка: Вы участвовали в... этом?.. *(пытается найти правильное слово, но не может)*.

Доктор: Нет, нет, я только наблюдал. У меня ведь есть бинокль, я забрался на ратушу – и смотрел, Хотя все равно почти ничего не понял. Кроме главного: восставшие побеждены... Говорят, что сам Армандо попал в плен. Когда я спустился с башни, то слышал, как отступавшие об этом говорили. Его посадили в железную клетку – так они сказали. Хотя сами тоже этого не видели...

Тетушка: Какой Армандо? Оружейник?

Доктор: «Оружейник»? Ну да, а Рокфеллер – нефтяник... Хотя, если его корпорация делает оружие, почему бы не называть его оружейником?.. В конце концов, его так и называли на площади... Но важно не это. Важно, что господин президент концерна «Армадапром» стал народным вождем.

Он возглавил восстание, представляете?

Тетушка: Я ничего не знала... и вообще ничего не знала о том, что было днем. Я слышала пальбу, видела зарево над домами. Соседка рассказала о том, что сто плотников строят на площади Суда плахи для мятежников. Ей так сказал кто-то из прохожих... Мне стало очень страшно. Я закрыла ставни и решила никуда не выходить.

Доктор: *(он перестал слушать тетушку на середине ее тирады, и говорит не ей, а самому себе)* Как странно! Сейчас я шел домой и видел: еще не совсем погасли пожары, а во многих ресторанах и кафе опять горят разноцветные огни, по улицам мчатся экипажи... Некоторые живут так, как жили позавчера. Неужели они не знают о том, что произошло? Разве они не видели пожаров, не слышали пальбы и стонов? Разве они не знают, что погибли люди? Может быть, ничего и не случилось? Может быть, мне приснился страшный сон?

Тетушка: Я ждала вас каждую минуту! Я очень волновалась!... Обед простыл, ужин простыл, а вас все нет...

Доктор: На площади лежали убитые; я низко наклонялся над каждым и видел, как звезды отражаются в их широко раскрытых глазах... Я трогал ладонью их лбы. Они были очень холодные и мокрые от крови, которая ночью казалась черной... Что же теперь будет?

Тетушка: *(решительно)* Теперь я приготовлю вам завтрак. Что бы там ни было, а вам надо хорошо питаться. *(вы-*

ходит)

Доктор садится к столу, находит на столе очки, надевает их, берет диктофон.

Доктор: Надо быть аккуратным. Надо точно все зафиксировать (*начинает наговаривать в диктофон*). Итак: я видел восстание. Это было настоящее народное восстание. Там были ремесленники, рудокопы, матросы. Там были мои студенты. Там были артисты, учителя, бродяги, врачи, дворяне, простолюдины. Там были все. Во всяком случае, так казалось. Весь город поднялся против власти Трех Толстяков. Во главе восстания были господин Армандо и маэстро Катулл. При том, Армандо никто не называл ни промышленником, ни магнатом, – все кричали «оружейник Армандо! Да здравствует великий оружейник!» К народу обращался с речью знаменитый маэстро Катулл, руководитель Национального театра. Он говорил – и народ кричал «ура!» А потом на улицах выросли баррикады и началась стрельба. Она не стихала всю вторую половину дня и всю ночь. А к утру выяснилось, что гвардейцы победили. Армандо, как говорят, взят в плен, а Катулл бежал...

За спиной у доктора слышен шум. Он оглядывается. Из большого камина выбирается человек в цирковом трико. Он выглядит несколько нелепо, но держится величественно. Это маэстро Катулл.

Доктор: Не может быть! Это вы, маэстро?

Катулл: Да, доктор, это я – злосчастный Катулл. Оказывается я попал в ваш дом, надо же... Надеюсь, великий доктор Гварнери не выдаст гвардейцам бедного артиста, попавшего в беду?

Доктор: Что вы такое говорите! Конечно не выдам. Но как вы сюда попали?

Катулл (*указывает на камин*): Через дымоход, конечно. Все же, я начинал как цирковой гимнаст – хотя, конечно, глядя на меня сейчас, в это трудно поверить. Однако некоторые навыки, как выяснилось, сохранились. Видимо, когда по тебе стреляют, телу проще вспомнить, чему его когда-то учили. А ведь хорошо учили! И учеником я был не из последних...

Доктор: Как вы вообще попали в эту... революцию, маэстро?

Катулл: А что вас удивляет? Я – художник из народа, и я всегда с моим народом. А народ томится под гнетом отвратительных тиранов! Каких-то три гнусных толстяка подмяли под себя всю страну. Они запрещают любую критику. Они всех запугали!

Доктор: Это так, хотя...

Катулл: Хотя что?

Доктор: Знаете, я уже немолодой человек, и хорошо помню времена смуты – после смерти последнего короля. Это было ужасно. Бандиты, голод, война всех против всех...

Поймите правильно: режим Трех Толстяков не вызывает у меня никаких симпатий. Я не люблю цензуру и полицию. Но надо быть точным. За последние годы ситуация значительно изменилась к лучшему. Гражданская война закончилась, экономика действует, уровень жизни повысился...

Катулл (*язвительно*): Ну да, «стабильность, мир и процветание»! Бывший балетмейстер Раздватрис, заделавшись знатным политическим писателем, вещает об этом в каждом своем опусе. Но оглянитесь вокруг себя! Что мы видим? *(далее говорит так, будто произносит речь с трибуны)* Народ угнетен! Интеллигенция задушена! Промышленники задавлены налогами! Тюрьмы заполнены инакомыслящими! А теперь они еще закрывают оружейные заводы – тысячи людей будут выброшены на улицу! Оставлены без средств к существованию! И никто не осмеливается даже пикнуть!

Только отважный Армандо решился бросить вызов наглой клике тиранов! Как на него не давили, он не смирился! Как же может честный художник оставаться в стороне? К черту их, со всеми их премиями и льготами! Они думали, что купили Катулла – раз у него есть театр, слава, награды. Но Катулла нельзя купить! Они могут отобрать у меня театр, разогнать моих актеров, запретить мои спектакли. Но я не смирюсь! Я еще не забыл, как быть уличным артистом. Кочевать по стране, выступать под открытым небом, ходить по канату... Не запугают! Я буду говорить с моим народом с площадей!..

Доктор: Вы смелый человек, маэстро. Поставить на карту все, рискнуть славой и жизнью – на это может решиться только очень честный и отважный человек.

Катулл: (с некоторым кокетством) Ах, оставьте, любезнейший доктор! Я всего лишь делал то, что велит совесть. Вот Армандо – настоящий вождь!

Доктор: Кстати, что с ним? Я слышал в толпе разговоры, будто его схватили.

Катулл: Я тоже это слышал. Но ничего не знаю наверняка. С этими негодьями невозможно что-либо знать наверняка!

Доктор: Негодьями?

Катулл: Я про толстяков! Чрезвычайный триумvirат! Комитет национального спасения! Тройка по утилизации, мать её! Извините, доктор. Неизвестные отцы, чтоб их! Еще раз извините, но приличных слов не осталось. Они боятся посмотреть в глаза народу, они прячутся. (снова входит в роль трибуна) Никто не знает, как их зовут, и как они выглядят. Известно только, что выглядят они отвратительно. Мы выступаем с открытым забралом, а враг скрывается в тени. «Три Толстяка» – вот все, что мы о них знаем!

Доктор: Да, в нашей истории такого еще не было. На многих такая анонимность действует прямо гипнотически. Вы знаете, я некоторое время занимался этим феноменом. Очень интересный эффект массовой психологии! Анонимность правителя создает ауру таинственности, что для обы-

вателя...

Катулл: Простите, доктор Каспар, вы уверены, что сейчас подходящий момент для лекции?

Доктор: Да, да, да. То есть, нет, конечно! Верно. Сейчас надо решить, как быть с вами.

Катулл: Вот именно. Я не имею права подвергать вас риску. *(торжественно)* Вы – гордость нашей науки, и потомки не простят мне, если из-за меня вы пострадаете. А этих сволочей не остановит ваш статус – они не задумываясь расправятся с великим ученым, как чуть не расправились с великим артистом.

Доктор: Маэстро, вы не понимаете. Дело не в том, что я рискую. Проблема в вас самом. Вам нельзя выйти, поскольку вас тут же арестуют. Вам нельзя остаться, поскольку повальные обыски могут не обойти и этот дом.

Катулл: Да, эти сквалыги лавочники не задумываясь продадут меня с потрохами гвардейцам толстяков!

Доктор: Следовательно, вам надо временно перестать быть собой. Манеру вы измените легко – для квалифицированного актера... извините, для гениального артиста – это просто. А внешность я вам сейчас изменю. Это не сложно. Вот объяснить, что я буду делать, человеку, не знакомому с началами аналитической химии, будет непросто. Но вам ведь химия ни к чему, вам нужен результат, правда? Вот и доверьтесь специалисту.

Катулл: Доверяюсь, целиком и полностью.

Доктор: Тогда поспешим в лабораторию.

Уходят. Входит тетушка Диомед с подносом.

Тетушка: Ну вот, опять убежал в свою лабораторию. Когда же это кончится! Как это трудно – служить гению. Он, конечно, великий ученый – и знает про все на свете. Но как сделать, чтобы он хоть иногда не забывал, что надо покушать, надевать галоши, выходя на улицу, и вовремя принимать пилюли? Которые, кстати, сам же придумал! Ох... (*ставит поднос на стол, продолжая рассуждать*). А тут еще эти безобразия. Бегают, стреляют, потом будут казнить. К счастью, пока все лавки открыты, и цены еще не выросли. Так ведь вырастут – это всегда так. Сначала бегают, потом стреляют, потом все дорожает, потом пропадают продукты. «Проклятые толстяки! Долой трёх толстяков!» Ну выгонят трёх толстяков – и кому от этого будет хорошо? Армандо, конечно, жалко – он такой умница. А Катулл – красавец, душка... Ну и зачем они все это затеяли? Чего им не хватало? Толстяки... Потому и толстяки, что не забывают вовремя покушать! Ах, дорогой доктор, зачем вы в это ввязываетесь... Ну что вам эти толстяки?

Свет гаснет.

Три Толстяка

Возьмите власть – и наслаждайтесь властью!
Жратву залейте кровью!
И жребий старика, и лепту вдовую —
Себе! Душить и красть!

Не так ли: только так себя ведут
Мерзавцы толстяки?
Мы точно знаем, мы – не дураки!
Даешь народный суд!

Зачем скрывают власти и таят
И имена, и лица?
Да потому, что суки и убийцы!
И каждый в тройке – гад!

Пожили мы под властью толстяков,
И хватит! Дальше – сами!
Пускай мы без мозгов, зато с усами!
Валяй! Мочи козлов!

Мочи козлов! Не надо слов!
И в смертный бой вести готов...

Сцена 3

Дворец Трех Толстяков, зал заседаний. За длинным столом сидит Босс, погружившись в изучение бумаг. Шеф с рассеянным видом прохаживается по сцене. Входит Генерал, весьма рассерженный.

Генерал: Ну знаете, это ж через кобылу в пень налево!

Шеф: Тебя укусила старая полковая лошадь?

Генерал: Нет, ужалил очередной «жучок», подброшенный твоими козлами!

Шеф: Да ты, брат, биолог...

Генерал: Хорош паясничать! До тебя твоя грёбанная служба информации доводит, что в городе делается? Или им интересно только кто с кем спит во дворце?

Шеф: Это не только им интересно. Ты тоже с большим интересом почитываешь дворцовые сводки, я помню. Но служба информации докладывает еще о многих других забавных вещах. Например, сегодня я получил подробный отчет о том, как доблестная гвардия разогнала взбунтовавшуюся чернь, захватила в плен «оружейника» Армандо и заставила бежать «гимнаста» Катулла.

Генерал: Чего-о? Армандо? В плен?..

Шеф. Именно. Ты не в курсе? Армандо схвачен и сидит в железной клетке в подвале дворца. Очевидно, в том самом,

с шестом. Где ты любишь купать девочек в шампанском.

Генерал: Ой, кто бы говорил! Ты там бываешь чаще меня!

Шеф: Но обхожусь без шампанского. Жадничаю. В любом случае, там теперь клетка с Армандо – и никаких девочек, сплошные застенки. А на площади Суда плотники сооружают сто плах, чтобы рубить головы мятежникам.

Генерал: Бред! Я только что проезжал через площадь Суда, нет там никаких плотников!

Шеф: Разумеется. Но весь город знает, что плотники работают, а плахи строятся. И буквально завтра будет грандиозная казнь. Армандо выведут из железной клетки, связав железными же цепями...

Генерал: Из какой, к черту, клетки? Он смылся, и сейчас неизвестно где!

Шеф: Почему неизвестно? В подвале. (*Генерал возмущен; Шеф продолжает со смешком*). Только не в нашем, а в особняке своей поклонницы мадам Лилу. Улица Весенних Грез, 13. Но все знают, что он схвачен и сидит в железной клетке. Здесь, во дворце.

Генерал: Опять ты намудрил... На кой черт?

Шеф: Чтобы господин оружейник сидел тихо и не высывался.

Генерал: А плахи?

Шеф: Чтобы боялись. Обыватель слышит про плахи – и сидит дома, пока твоя гвардия наводит полный порядок.

Генерал: Порядок? Гвардия? Ты ее видел, гвардию? Ты забыл: ее за последний год два раза сокращали и три раза урезали жалование. Шеф, ты знаешь, о чем говорят в гвардии? Что завтра ее разгонят на хрен! Потому лучше бы сегодня быть за того, кто понимает человека с ружьем. То есть, за кого? Пра-авильно – за оружейника Армандо!

Шеф: Генерал, у тебя в войсках забыли про дисциплину? Так напосми! Есть присяга, есть устав...

Генерал: Ты посмотри на этого земгусара! Бонапарт и Цезарь в одних штанах! Строем ходить научись, потом умничай. Когда солдаты стреляют в офицеров, какой тут устав... Вот я случай расскажу, тебе понравится. Отделение гвардейцев следует с дежурства в караулку. Здесь, во дворце. По дороге встречается наследника. И что думаешь, козыряют принцу, во фронт становятся? Ага, шас! Окружают, матерят, только что в штыки не берут. Хорошо поблизости наш капитан Рейнхард случился – его боятся даже лютые отморозки. А то был бы у нас наследник, нашинкованный мелкими кусочками... *(Шеф пытается перебить Генерала, но тот разошелся вовсю и не дает слова вставить)* Ты думаешь, вчера мы победили? Куда там... Мой приказ просто застал гвардию врасплох – они и пошли. А там в них стали стрелять. Так что они защищали свои шкуры, а не наши. А потом у них были сутки на размышление. И если завтра опять начнется, не меньше половины личного состава перекинется к мятежникам. Тут один лейтенантик разглагольствовал:

«Это ведь народ восстал, почему же мы в него стреляем»!..

Шеф: Распустил ты их. Если командование не будет мен-
жеваться, то через пару-тройку дней все стихнет. Пожестче
надо быть, Генерал! Пусть лейтенантов приструнят полков-
ники, а рядовых – сержанты! Ты же видел: несколько зал-
пов – и разбежались, кто куда. Где хваленый Армандо? Где
вдохновенный Катулл? Прячутся по норам.

Генерал: А на улицах – трупы. А улицы – наши. И тру-
пы – не вражеские. Дружище, я лучше тебя знаю, что мож-
но сделать штыками и саблями. Так вот: сидеть на штыке
неудобно. На сабле тоже.

Шеф: Ах, какие нежности! Никак доблестному герою
страшно?

Генерал: Слушай, ты, балабол!..

Босс (*сильно ударив по столу ладонью*): Хватит! Держите
себя в руках. Оба. Дело серьезное. Не смертельное – серьез-
ное. Гвардия неплохо отстрелялась (*Генерал пытается вме-
шаться*), но Генерал прав: она ненадежна. Служба инфор-
мации работает эффективно, но она решает только частные
проблемы. (*Шефу*). Не перебивай, послушай.

Так вот. По порядку. Мы недооценили социальные по-
следствия конверсии. Будем считать, это моя вина. Я и се-
годня могу повторить: экономически все правильно. Нам
не по карману военный бюджет, который мы тянем со вре-
мен гражданской войны. Мы не можем вбухивать миллиарды
в производство оружия на радость господину Армандо и его

приятелям. Конверсия необходима. Только вот в результате мы получили колоссальный всплеск безработицы. И оружейный магнат вдруг оказался народным вождем. Мы не учли, что он рискнет пойти ва-банк...

Шеф: Ну почему не учли, мы о таком варианте говорили...

Босс: Говорили. Но сочли маловероятным, сосредоточились на долговременных мерах и вчерашний мятеж застал нас врасплох. А его повторение может стать роковым.

Генерал: Ну так, Босс, о том ведь я и говорю!

Босс: Ты не говоришь, что делать.

Шеф: Душить в зародыше.

Босс: Зародыш уже вышел из утробы. Задушить его, наверное, можно. Только тогда мы станем убийцами невинного младенца.

Шеф: Репутационные потери отыграть не проблема...

Босс: Да черт с ней, с нашей репутацией – больше ее уже не испортить. Как бы ни повернулись события, мы – преступная клика, пролившая кровь своих сограждан. Что мы вытащили страну из полного дерьма, уже никому не интересно. *(Шефу)* Твой любимчик Раздватрис с тем же пылом, с каким сегодня рассказывает про наши великие свершения, завтра будет обличать кровавый преступный режим, который довел страну до полного вырождения.

Шеф: Этот может. Хороший танцор, ничего ему не мешает...

Босс: Я смотрю, с чувством юмора у нас все в порядке, а вот как насчет чувства реальности? Если мы будем решать проблему только силовым путем, то в случае проигрыша (а проигрыш возможен), рискуем потерять все. Включая собственные жизни. Хотите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.